

И.К.Шереметьев

Латинская Америка: риски и проблемы посткризисного развития

В статье предлагается анализ состояния латиноамериканской экономики в так называемый «посткризисный» период начала третьего тысячелетия на примерах Аргентины и Бразилии. Показаны важная роль аграрного сектора в экономике этих стран и связанные с этим риски — прежде всего экологические проблемы, которые, по мнению автора, требуют выработки новой экономической парадигмы развития, соответствующей современным условиям.

Ключевые слова: глобальный финансово-экономический кризис, Латинская Америка, парадигмы развития, «локомотивы» роста, экология, природно-сырьевые ресурсы, риски посткризисного развития, прогнозные оценки.

История свидетельствует: кризисы, даже самые острые и разрушительные, приходят и уходят, они сменяются рецессией, переходящей в очередную подъем, а то и бум. Исследователи «гадают», какой же станет мировая экономика в ближайшем обозримом будущем после того, как будет преодолен нынешний глобальный финансово-экономический кризис, и каковы перспективы развития отдельных стран и регионов мира в посткризисный период. Попытаемся и мы высказать свои суждения на этот счет, касающиеся, в основном, наиболее знакомого нам по опыту работы региона — Латинской Америки. При этом акцент в этой статье будет сделан на следующих вопросах: какова роль различных парадигм в социально-экономическом развитии латиноамериканского региона, какие движущие силы («локомотивы» развития) определяли их экономический рост в различные отрезки времени, с какими новыми рисками и проблемами могут столкнуться страны региона в условиях посткризисного мира.

Игорь Константинович Шереметьев — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЛА РАН (v.teperman@ilaran.ru).

«ЛОКОМОТИВЫ» РАЗВИТИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

У каждой эпохи были свои двигатели развития. В одних случаях ими являлись отдельные отрасли хозяйства, в других — целые страны, сумевшие «оседлать» научно-технический прогресс и таким образом вырваться вперед. Так, в индустриальную эпоху, когда закладывались основы промышленного производства, в авангарде движения оказалась «мастерская мира» — Англия. Вслед за ней в Старом Свете появились и другие «тягачи» индустриального развития, среди них Германия, Франция, Голландия. В XIX в. сверхмощный двигатель промышленного роста появляется и в Новом Свете, в Западной полушарии, в лице Соединенных Штатов, начавших оспаривать пальму первенства у Англии и других государств Западной Европы.

По отношению к Латинской Америке и те, и другие играли роль внешних «локомотивов» развития, каждый из которых «тянул одеяло на себя»: использовал природно-сырьевые ресурсы этого региона и его внутренние рынки для сбыта своей промышленной продукции, создавая таким образом помехи его собственному промышленному развитию.

Были, однако, у Латинской Америки и свои внутренние «локомотивы» развития. На протяжении многих десятилетий главным из них являлось сельскохозяйственное производство. Оно не только обеспечивало местное население продуктами питания, но и служило основой массового экспорта продукции этой отрасли. Именно аграрный сектор национальной экономики многих латиноамериканских стран являлся источником их внутренних накоплений и валютных поступлений. Причем, по мере того, как в эту экспортную отрасль внедрялся иностранный транснациональный капитал, значительная часть доходов от нее попадала в руки последнего.

О значении аграрного сектора в развитии многих латиноамериканских стран можно судить по тем позициям, которые занимала Латинская Америка на мировых рынках сельскохозяйственных товаров еще в 1976—1981 гг. Так, ее доля по бананам достигала 92%, по сахару — свыше 67, по кофе — 68, по хлопку — 19, по мясу (говядина) — 19, по шерсти — 17, по зерновым — около 7%. Но уже в начале 90-х годов прошлого века страны региона начинают терять эти позиции, их доля в мировом экспорте снизилась по бананам до 81%, сахару — до 55, кофе — до 52, хлопку — до 11, мясу — до 10, шерсти — до 5,4, по зерновым — до 4,2¹.

Традиционный «локомотив» развития начал утрачивать свою былую мощь. На положении дел стали сказываться не только конъюнктура мирового рынка сельскохозяйственных товаров, усилившаяся конкуренция со стороны других развивающихся стран с аграрной специализацией, но и внутренние причины — чрезмерная продолжительная нагрузка на экологию латиноамериканских стран — основных производителей сельскохозяйственной продукции. Наглядным примером в этом отношении может служить Аргентина.

Столетие назад, благодаря колонизации аргентинской Пампы, территории с богатейшими почвенными ресурсами, Аргентине удалось стать одним из крупнейших производителей целого ряда видов сельскохозяйственной продукции (пшеницы, кукурузы, подсолнечника, говядины и т.д.) и ведущих мировых ее экспортеров. В этих условиях страна превратилась в одну из наиболее развитых в Латинской Америке, а аграрный сектор долгое время определял лицо экономики, выполнял роль «локомотива» развития государства.

Ситуация круто изменилась в нынешнем веке. Снижение объемов производства ряда важнейших традиционных культур сопровождается ростом импорта молока, свинины, сахара, риса и ряда других продуктов. В Аргентине проблема голода и недоедания, по сравнению с другими развивающимися странами, никогда не стояла остро. Теперь же внушает тревогу рост абсолютной численности людей, страдающих от недоедания (1,2 млн человек), основную массу которых составляет местное индейское население.

На страну навалились экологические проблемы. Наиболее тревожной из них является деградация почв — основного природного богатства Аргентины. По различным оценкам, в настоящее время ветровой и водной эрозией охвачено 60 млн га, т.е. треть всей площади сельскохозяйственных земель. По оценкам ФАО, на территориях, потенциально подверженных процессам опустынивания, проживает до 15% населения. Известно и то, что потери урожайности сельскохозяйственных культур зависят от интенсивности эрозионных процессов. Так, при средней интенсивности сокращение урожайности пшеницы составляет 12%, сои — 17, кукурузы — 30%. При высокой интенсивности потери возрастают до 24, 34 и 61%, соответственно².

Экологические последствия, связанные с проблемами земледелия, становятся еще более острыми по причине дефорестации (обезлесивания). В Аргентине ежегодно вырубается свыше 2,5 тыс. км² леса. По этому показателю она уступает в Латинской Америке только Бразилии с ее огромными массивами лесов в бассейне р. Амазонки. Если в начале XX в. площадь, покрытая лесами, в Аргентине достигала 1 млн км², то в настоящее время она сократилась до 330 тыс. км², или примерно в три раза. При таких темпах дефорестации через сто лет в стране может просто не остаться лесов³. Помимо промышленной рубки важнейшим фактором дефорестации остается сельское хозяйство. Так, в провинциях Северо-Востока и Северо-Запада расширение сельскохозяйственных земель под пашню и пастбища происходит исключительно за счет рубки лесов.

По подсчетам специалистов-аграриев, при сохранении традиционной структуры и способов ведения сельскохозяйственного производства (система севооборотов, ротация пастбищ и пашни) Аргентина способна обеспечить продовольствием население, в восемь раз превышающее число ее жителей. Однако в прошедшем десятилетии традиционные сельскохозяйственные культуры страны стали все больше оттесняться монокультурой сои, а точнее говоря, ее генномодифицированным видом (ГМ культура). К 2004 г. общая площадь посевов под соей достигла 14 млн га, причем 97% из них приходится на ГМ культуру⁴. В результате соя не только стала основной сельскохозяйственной культурой страны, а посевные площади под ней превысили площади под пшеницей и достигли одной трети всех обрабатываемых земель. Аргентина превратилась в одного из трех (наряду с США и Бразилией) крупнейших в мире производителей сои и продуктов ее переработки (мука, масло, шрот). В печати заговорили о «соезации» всей страны, замелькали характеристики Аргентины как «соевой республики». В 2003—2007 гг. вывоз продуктов из сои в стоимостном измерении возрос с 5 до 13,5 млрд долл., а их доля во внешних поставках страны в эти годы колебалась от 19 до 24%⁵.

И все-таки сформировавшийся в Аргентине соевый агрокомплекс вряд ли станет для нее новым, перспективным «локомотивом» развития. Последствия влияния ГМ продуктов на экологию, природную среду и на здоровье человека и

животных вызывают в последнее время тревогу и у специалистов-экологов, и у медиков⁶. Показательно, что расширяется круг стран, прибегающих к тем или иным мерам ограничения импорта соепродуктов. Так, Китай (многомиллионное население которого широко использует соевую муку и масло в качестве продуктов питания) установил правила, согласно которым производство, продажа и импорт ГМ продуктов должны быть одобрены властями, получить от них подтверждение, что данные продукты безопасны для здоровья людей, животных или состояния окружающей среды. Европейский союз также проводит крайне осторожную политику в этом отношении: разрешен импорт только тех ГМ продуктов, которые одобрены санитарными службами. Понятно, что в случае усиления ограничительных мер на торговлю ГМ продуктами Аргентина рискует потерять значительную часть своего экспорта. Все это подталкивает аргентинские власти к проведению более взвешенной и осторожной политики в сфере применения новых биотехнологий в сельском хозяйстве, поскольку речь идет о здоровье человека.

С аналогичными проблемами в области экологии сталкиваются и другие страны Латинской Америки. Десятилетиями длившаяся, порой хищническая, эксплуатация их природных ресурсов ныне оборачивается эрозией почв, снижением их плодородия, опустыниванием и пылевыми бурями, изменением рельефа местности, нарушением режима речных систем, наконец, нехваткой питьевой воды и ухудшением состояния атмосферы, особенно в мегаполисах. Свою лепту в развитие этих тревожных явлений вносят и непрерывающиеся процессы урбанизации, массового перемещения сельского населения в города в поисках лучшей доли. Таковы реалии сегодняшней Латинской Америки, усугубляемые нынешним глобальным финансово-экономическим кризисом.

ЧТО СУЛИТ ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПОДЪЕМ СТРАНАМ РЕГИОНА?

Есть основания полагать, что в случае очередного экономического подъема в ведущих странах — «локомотивах» развития (к числу которых ныне относится и Китай с его рекордно высокими темпами экономического роста) экологические и связанные с ними социально-экономические проблемы латиноамериканских стран вновь обострятся и в частности в аграрном секторе. Возобновление массового спроса и всплеск цен на природно-сырьевые товары на мировом рынке способны породить «соблазн» извлечь максимальные выгоды из благоприятно складывающейся внешней конъюнктуры, стремление «подналечь» на эксплуатацию и форсирование экспорта природных ресурсов. Такие сиюминутные выгоды в дальнейшем могут обернуться серьезными, а возможно и невозполнимыми потерями в области экологии, природопользования и сельскохозяйственного производства.

Признаки такого поворота событий уже налицо. В этом отношении показателен пример Бразилии — крупнейшей страны латиноамериканского региона. Если в кризисном 2009 г. ее товарный экспорт сократился на 23%, то в следующем, 2010 г. (по данным на январь—август) он скачкообразно вырос на 28%, при этом в страны Азии — на 29, в государства ЕС — на 21, в США — на 24%. Показательны и сдвиги в структуре бразильского экспорта: в 2009 г. сократились поставки на внешний рынок руды (на 23%), топлива (27), черных металлов (48), автомобилей (42), машин и оборудования (35), самолетов (29%). В то же время увеличился экспорт сои (на 4%), сахара (50), табака (11), а также мяса и

масличных семян. Крупнейшим покупателем аграрной продукции Бразилии стал Китай (в 2009 г. — 13,2%), опередивший США (10,3%)⁷.

Понятно, что наличие такого рода тенденций в структуре экспорта Бразилии, как, впрочем, и других латиноамериканских стран в посткризисный период, вряд ли отвечает их национальным интересам, поскольку вновь приводит к увеличению нагрузки на природные ресурсы и напоминает о временах, когда Латинская Америка была «большой деревней» для индустриально развитых государств «Центра».

ПЕРЕХОД К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ — ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Похоже, окончательно ушло в прошлое то время, когда экономическая модель развития в мире формировалась по существу стихийно, на основе «свободной игры рыночных сил» и так называемых «естественных преимуществ»: индустриально развитый «Центр» — поставщик промышленных товаров — и его аграрно-сырьевая «периферия», включавшая десятки стран Азии, Африки и Латинской Америки. Пришло осознание того, что избежать кризисных потрясений и огромного ущерба от них нельзя на основе утвердившейся во времена оны модели развития. Нужна новая парадигма, отвечающая требованиям сегодняшнего дня. Как показывают события и факты последнего времени, поиск такой парадигмы активно ведется и на международном, и на регионально-страновом уровнях. Более отчетливо вырисовываются и контуры новых моделей развития на том и другом уровнях.

«Сегодня, — пишет известный российский ученый-исследователь В.М.Давыдов, — практически повсеместно признано, что прежняя система глобального регулирования финансовых и экономических процессов требует существенной перестройки или даже замены... Нынешний кризис поставил проблему перестройки во весь рост. При этом симптоматично, что формат «большой восьмерки» оказался недостаточным. Переход в формат «большой двадцатки» де-факто означал признание новых реальностей — относительного ослабления потенциала традиционных центров мирового хозяйства и тенденции к возрастанию экономического веса и влияния новых центров. В расширенном составе одного из «клубов» глобального регулирования теперь представлены восходящие гиганты Азии — Китай и Индия, новая промышленная держава в лице Южной Кореи. Представительна и латиноамериканская фракция, включающая Бразилию, Мексику и Аргентину»⁸.

Какие же новые механизмы глобального регулирования ныне предлагаются учеными и видными государственными деятелями? Так, Ангела Меркель выдвинула идею создания специального органа (возможно, в рамках ООН), ответственного за выработку международно признанных норм регулирования тех экономических процессов, которые выходят за рамки компетенции и досягаемости национального законодательства (Мировой экономической совет).

Исходя из уроков последнего кризиса, многие авторитетные ученые и у нас, и за рубежом начинают задумываться о целесообразности учреждения своего рода «мирового правительства» (как, например, российский ученый, президент Международного союза экономистов Г.Х.Попов). С такой же идеей выступает и крупнейший испанский экономист Рамон Тамамес. Речь у него идет «о ряде органично взаимодействующих институтов, работаю-

щих в целях обеспечения общеэкономической и финансовой стабильности». При этом он ссылается на существующие прецеденты и опыт функционирования таких структур, как МВФ, Всемирный Банк, ВТО и Группа—7, а также на инициативу А.Меркель по созданию «Мирового экономического совета». Они, как полагает Р.Тамамес, могут стать тем строительным материалом, который пригоден для формирования новых органов глобального регулирования⁹.

На международный уровень выносятся и такая острая проблема, как офшорные зоны — государства с режимом «налогового рая», часто используемые для сокрытия теневых капиталов и отмывания «грязных денег». Инициатива в этом отношении исходит, в частности, от США и Евросоюза, выставивших требования о соблюдении транспарентности и соответствующем изменении внутреннего законодательства некоторых стран Карибского бассейна и европейских государств (Швейцария, Люксембург)¹⁰.

Угроза возобновления чрезмерной нагрузки на природные ресурсы стран Латинской Америки в посткризисный период (о чем говорилось выше) ставит перед ними вопрос о переходе к новой экономической парадигме, отвечающей реалиям и вызовам нового витка развития мировой экономики и их национальным интересам, в частности в сфере экологии.

Как было показано выше, природному потенциалу стран Латинской Америки уже нанесен немалый урон. Чтобы этот урон не стал катастрофическим, защита окружающей среды должна стать неременной составляющей новой парадигмы и на страновом, и на общерегиональном уровнях. Сдвиг в этом отношении уже обозначился. Как пишут российские ученые — исследователи проблем развития современной Латинской Америки А.В.Бобровников и В.А.Теперман, «на рубеже веков в стратегии развития латиноамериканских стран обозначился определенный поворот... новые лидеры латиноамериканских государств стали склоняться к необходимости проведения более сбалансированной и интегральной политики, включающей меры по развитию эффективного и конкурентоспособного национального производства, масштабной региональной интеграции и обеспечению принципа «социальной справедливости». В это же время более отчетливые очертания стала обретать стратегия устойчивого развития, принципы которого начали активно разрабатываться латиноамериканскими странами со времен саммита 1992 г. в Рио-де-Жанейро... Озабоченность возможными последствиями глобального экологического кризиса совершенно оправдана, несмотря на то, что состояние окружающей среды в Латинской Америке еще не столь критично, как в других регионах. В этих условиях особое значение обретают сохранение богатых природных ресурсов (включая биоразнообразие) для будущих поколений, а также предотвращение разрастания пока еще локальных по своему характеру экологических катастроф (например, в мегаполисах) до национальных масштабов»¹¹.

«В целом, — пишут ученые, — новое поколение очень разных по своим взглядам политических лидеров в латиноамериканских странах отличают четкий социальный дискурс, большая заинтересованность в реализации программ региональной интеграции и целей устойчивого развития»¹².

Решение острых экологических, как и тесно связанных с ними социально-экономических проблем латиноамериканских стран немислимо без энергичных действий государства, поскольку «масштаб решаемых проблем просто не по

силам частному бизнесу даже на его самых высоких этажах», — отмечает В.М.Давыдов¹³.

В вопросах природопользования приоритет должен принадлежать национальным производителям, поддерживаемым государством. Практика государственно-частного партнерства должна получить более прочную основу — юридическую, организационную как на национальном, так и на международном уровне. Как представляется, учитывая императивы XXI в., посткризисный период следует связывать с усилиями по модернизации государства, с наращиванием его работоспособности и насыщением современными (прежде всего информационными) средствами управления¹⁴.

Как следует из вышесказанного, экологические проблемы в мире в целом и, в частности, в Латинской Америке стали настолько острыми, что переход к новой парадигме развития стал императивом нашего времени. Годы увлечения моделями открытых рыночных экономик убедительно показали, что такие модели не способны решать накопившиеся глобальные проблемы человечества. Необходимы новые эффективно действующие механизмы регулирования мировой экономики, отвечающие требованиям экологически устойчивого и социально ориентированного развития. Похоже, в этом русле и развиваются события последнего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Латинская Америка. Структурная перестройка хозяйства. М., 1994, с. 224.

² Латинская Америка: проблемы модернизации в контексте устойчивого развития. М., 2007, с. 191.

³ Там же, с. 193.

⁴ Там же, с. 194.

⁵ П.П.Яковлев. Аргентинская экономика перед вызовами модернизации. М., 2008, с. 279—280.

⁶ Широкое применение ГМ сортов стало причиной ряда экологических проблем. Наибольшую озабоченность вызывает растущее потребление гербицидов — важнейшего компонента в технологии выращивания ГМ культур. Независимые исследования показывают, что после применения гербицидов в почве резко сокращается количество полезных микроорганизмов. Глифосфат как системный гербицид накапливается в частях растений, в том числе и в плодах. Последствия длительного потребления продуктов с содержанием глифосфата (который относится к канцерогенам, вызывающим онкологические заболевания) на здоровье человека пока еще мало изучены.

⁷ Л.Н.Симонова. Бразилия: испытание кризисом и посткризисное развитие. Научный доклад. Октябрь 2010, ИЛА РАН.

⁸ В.М.Давыдов. Кризис, антикризисная политика и перспективы посткризисного развития. М., 2010, с. 46.

⁹ Там же, с. 53.

¹⁰ Там же, с. 51.

¹¹ Латинская Америка: проблемы модернизации в контексте устойчивого развития, с. 10.

¹² Там же, с. 11.

¹³ В.М.Давыдов. Указ. соч., с. 55.

¹⁴ Там же, с. 56.